

Всемирный кризис? Всемирная пролетаризация?

(21/12/08)

Вступление

Сейчас мы переживаем момент колоссальных социально-экономических и политических перемен. Это уже второй такой период, пришедшийся на время жизни моего поколения. А первым были события 1967-1973 гг. По всем основным показателям последних недель, мир вступил в полосу экономического кризиса, уже обогнавшего кризис 1973 г. и кризисы 1982 и 1987 годов. Теперь остается только догнать и перегнать Великую депрессию 1929-1938 гг.

Как же нам реагировать на такую огромную проблему? Вот в чем вопрос. Чтобы на него ответить, я полностью переписал одну свою статью, над которой я до сих пор работал, и которой должен был стать ответом на критику моих гипотез «о состоянии мира», опубликованных в 2005 г. Я представляю в виде небольшого резюме результаты моих размышлений и исследований, которые предстоит еще проверять, корректировать и дополнять в ходе дальнейшего диалога до выхода книги в печать. Результаты дискуссии во время мероприятия 27-го ноября на «Шорндорф Мануфактур» уже учтены, также как и результаты интернет-дебатов коллектива Wildcat и семинара «Interventionistische Linke» 13-го декабря, не говоря уже о разговорах с друзьями и знакомыми. С помощью этого удалось обнаружить и устранить множество недочетов, неясностей и прорех. Однако из-за нехватки времени я смогу осветить ряд важных вопросов лишь непосредственно в самой книге, и надеюсь на ваше понимание. Также надеюсь, что мои тезисы достаточно ясно покажут основу моего аналитического подхода и моих концептуальных предложений. Хочу поблагодарить всех подключившихся к дискуссиям, и не только помогавших критикой, но и всех тех, кто морально меня поддержал; давненько я не видел такого широкого, конструктивного диалога и такой солидарности.

1. Новый мировой экономический кризис

1.1. Развитие событий

Первый мировой экономический кризис 21-го века начался в 2006 г. в развитых странах, простираясь из структурного кризиса и перепроизводства в автопроме и недвижимости в США, Великобритании, Ирландии и Испании. Он ознаменовал окончание шестилетнего

периода невероятного роста мировой экономики, который привел к дальнейшему расширению капиталистических отношений со всеми классическими последствиями этого, а также с некоторыми новыми спекулятивными, к такому типу развития событий, которое мало кто считал возможным. Взвинченные цены на недвижимость – дома, квартиры и деловую собственность – резко упали, и этот спад еще больше подорвал ипотеку и ее производные, держащиеся на недвижимости. К тому же три американских и несколько европейских и японских автоконцернов столкнулись с резким спадом продаж. Это ознаменовало начало всемирного кризиса самой капиталоемкой отрасли производства.

Кризис начал подбираться к финансовому сектору на рубеже 2006-2007 годов. Спад стоимости личной и коммерческой недвижимости перерос во всемирный ипотечный кризис. Местные ипотечные банки лопались в результате падения стоимости, а в июле 2007 года американский инвестиционный банк Bear Stearns впервые в истории ликвидировал два собственных хедж-фонда. Поскольку эти нестабильные ипотечные кредиты в основном включались в непрозрачные кредитные деривативы[1], и продавались по всему миру, то падение их стоимости и соответственный рост премий за риск привели к мировой цепной реакции, которая смешалась с ипотечными кризисами в Великобритании, Ирландии и Испании. Кризис на рынке *subprime*[2] достиг своего первого пика летом 2007 г. Ее глобальный характер стал очевиден, когда первые шаги по помощи лопающимся банкам были предприняты на периферии событий, в то время как сами события начались в англосаксонских странах. Так, например, одними из первых банков, которым была оказана поддержка, стали столкнувшиеся с отсутствием ликвидности немецкие Дюссельдорфский Интернациональный Кредитный Банк (ИКВ) и банк SachsenLB, а также не способный самостоятельно покрыть огромные потери швейцарский «универсальный банк» (т.е. банк, выполняющий все основные виды банковских операций, в т.ч. и инвестиционные) UBS.

После еще пяти-шести таких волн начиная с лета 2007 года, ипотечный кризис перерос во всемирный финансовый кризис, и к сентябрю 2008 г. он охватил всю банковскую систему. Американский ипотечный банк Bear Stearns лопнул в марте 2008 г. вместе с британским ипотечным банком Northern Rock. Уже потом Великобритания и США, следуя немецкому примеру предыдущего года, развернули широкую помощь банкам: Northern Rock заручился гарантией господдержки, а Bear Stearns перешел к универсальному банку JP Morgan Chase, а Федеральный резервный банк (Fed, центробанк США) организовал рефинансирование проблемных ценных бумаг.

В сентябре мир захлестнула еще одна волна: в начале месяца два ипотечных гиганта США, Fannie Mae и Freddie Mac, были спасены от банкротства с помощью рекапитализации за счет огромных государственных средств. Затем в середине месяца лопнул инвестиционный банк Lehman Brothers, а еще один, Merrill Lynch, спасли экстренной перепродажей универсальному банку Bank of America. В течение следующих месяцев лопались и исчезали (превращаясь в коммерческие банки или объединяясь с ними) не только инвестиционные банки, но и ведущие страховые компании – например, развалившаяся неделю спустя крупнейшая страховая компания США American International Group (AIG). Начали массово не выполняться кредитные деривативы, в основном кредитные дефолтные свопы (CDS),

которые во всем мире использовались покупателями ценных бумаг для страховки от дефолта продавца при двусторонних соглашениях. Так как при этом нет центрального контрагента, а такие соглашения не регулируются традиционной страховкой, то такие сделки связаны с повышенным риском. Кредитные дефолтные свопы оцениваются в 60 триллионов долларов и распространены по всему миру. В случае обвала одного из главных столпов всей этой системы, вроде AIG, весьма вероятно страшная цепная реакция. Поэтому AIG уже не раз спасало государство, потратив на это уже 153 миллиарда долларов. Несмотря на все это, результат ипотечного кризиса на ключевое звено глобального рынка кредитных производных, потоки которого несут от 600 до 1000 триллионов долларов, в сентябре показал, что финансовый рынок, фундамент прежнего феноменального роста, несся к обрыву. Вся международная финансовая система к тому времени перекосилась, увлекая за собой коммерческие банки и инвестиционные фонды, появившиеся в 70-х (хеджевые фонды, акционерные и пенсионные фонды).

Волны же до сих пор бушуют с той же силой, о чем свидетельствуют масштабное падение стоимости и убытки практически всех международных банков. Государственные гарантии для возрастающих «токсичных» активов, рост государственных акций в финансовой отрасли, спасательные операции во всех развитых странах – все это останется частью государственной политики. С лета 2007 г. правительства пытаются поддерживать финансовые рынки посредством снижения процентных ставок центральных банков, поддержки ликвидности обрушившихся рынков межбанковских операций, а также поглощением проблемных ценных бумаг и векселей.

Последние данные указывают, что пока не удалось остановить всемирное иссыхание кредита и бегство капиталистов из финансовых фондов в «безопасную гавань» «твердых» валют и государственных облигаций. Причина проста: потери на залоговых и кредитных деривативах ведут к неоплаченным кредитным карточкам, неуплате арендной платы, долгам торговых сетей, размах которых пока не измерен, но которые уже привели к фактическому банкротству крупного коммерческого банка США Citigroup. Конца мирового финансового и кредитного кризиса не видно, и все это происходит параллельно со структурным и промышленным кризисом, усугубляя его, разгораясь медленным огнем по всему пространству мировой экономики.

После ужесточения условий выдачи кредита и «бегства» капитала, события «черного» квартала с сентября по ноябрь 2008 г. также достигли финансовых рынков по всему миру, например, тех секторов воспроизводства капитала, где долгосрочные кредиты продаются в виде акций, залоговых и вторичных ценных бумаг (опционы и фьючерсы). Сначала спад их стоимости потащил за собой рыночные цены структурно слабых предприятий, особенно в автопроме, а затем затронул и весь остальной капитал, зарегистрированный на фондовой бирже, независимо от отрасли и его географического месторасположения. С начала 2008 г. индекс американских, европейских и японских бирж упал в среднем на 35–40 процентов, а «черный квартал» вызвал воспоминания о мировой депрессии прошлого века. Той же осенью, биржи развивающихся стран ощутили всю силу кризиса, и капитал начал таить с такой скоростью, что уничтожил не только спекулянтские наценки, но и крупные финансовые активы. Показатели бирж стран так называемое БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) фиксируют годовые потери от 60 до 70 процентов.

Третий фактор погружения мира в кризис заключался во всемирном падении цен на основные виды сырья, которое произошло в июле 2008 г. сразу после резкого скачка цен на продовольствие и энергоносители, и продемонстрировало тем самым классический пример лопающегося спекулянтского пузыря. Вскоре цена сырой нефти упала с вершины в \$147 за баррель до всего \$40 за баррель, цены на металлы и сельскохозяйственную продукцию (например, хлопка) сократились вдвое, а основные пищевые злаки (рис, пшеница, кукуруза) потеряли треть своей цены. Ценные металлы пока удерживают цену на фьючерсных рынках, но даже цена золота показывает тенденцию к спаду.

Учитывая такой расклад событий, неудивительно, что цены на транспорт также сильно упали, так как они часто являются важной составляющей цены сырьевых товаров. Особенно заметны тенденции спада цен морского транспорта, главного звена в мировой грузовой сети, и тут цены упали гораздо ниже прочих звеньев, по стремительности падения обогнав даже аналогичную ситуацию во время депрессии прошлого века. Грузовые тарифы на маршруте Роттердам-Тайвань упали с \$2,500 за контейнер в начале года до \$400 в октябре, а в ноябре тарифы на перевозку самыми крупными сухогрузами упали до 1/11-ой от вершины, зафиксированной при подъеме 2007 года. Это не только толкает товарные цены все ниже, но чревато и другими важными последствиями. До лета 2008 г. вся сеть морских портов и логистических центров готовилась к мощному расширению вместительности и улучшению инфраструктуры; теперь же, после глубокого потрясения, 80 процентов всех кораблестроительных сделок на главных верфях Китая, Южной Кореи, Японии и Вьетнама оказались отменены буквально за несколько недель.

Параллельно этому структурный кризис, перепроизводство в автопроме, строительстве, а также кризис на рынке недвижимости только усугубились. Из американской «большой тройки» автомобилестроения, два предприятия, «Дженерал Моторс» и «Крайслер», уже на грани банкротства. Но за две недели до начала 2009 г. правительство Буша дало им отсрочку, до марта 2009 г., предоставив экстренный кредит, а тем временем вековые завоевания рабочих американского автопрома стремительно отбираются. Отраслевой кризис уже докатился до всех предприятий автопрома. Даже у «образцовых» фирм с трудоемким производством, инновационными технологиями и минимальным загрязнением окружающей среды общий оборот снизился на 20-30 процентов. Как правило, временные рабочие уже пропали с заводов, а имеющих постоянный контракт отправили на продленный рождественский отдых с перспективой длительной работы неполный рабочий день. Такие временные меры не заметны на низких уровнях автопрома, и поэтому уже скапливаются оповещения о внезапно закрытых заводах мелких и средних предприятий-поставщиков комплектующих.

Все перечисленные тенденции взаимно усиливаются и расширяют всемирную стоимость кредита. После третьего квартала 2008 г. «тройка» регионов (Северная Америка, Европа и Япония) впала в рецессию. Безработица значительно выросла в США, Великобритании и Испании, а теперь расползается вширь из трансатлантического региона по всем

экономически развитым странам. Экономические двойники безработицы – низкая процентная ставка и низкая норма прибыли – вместе с высокой стоимостью кредита и спадом заказов привели к сильному падению инвестиций. Это в свою очередь ведет к значительному сокращению экспорта, и главные экспортеры «тройки» (Япония, Германия и Швейцария) ответили на потери от снижения экспорта непропорциональным сокращением импорта, усиливая тем самым мировой экономический спад.

Из-за жестких импортных ограничений кризис «тройки», который к тому моменту уже полностью разразился, начиная с октября 2008 г., со страшной силой обрушился на множество развивающихся стран. Удар пришелся в такое время, когда их экономическое развитие основывалось преимущественно на экспорте в страны «тройки» и когда все торговые дисбалансы возмещались накоплением крупных валютных резервов. Теперь же хрупкий баланс резко рухнул. Ужесточенные условия кредита по всему миру, падающая стоимость акций и спад цен на сырье, в паре с убытками экспортных отраслей создали взрывоопасный состав, который пока что смягчается за счет использования валютных резервов и ростом государственного долга.

Но страны БРИК - не США с ее твердой мировой валютой благодаря которой она позволяет себе громадные балансовые дефициты и горы долгов не страшась возмездия кредиторов. Не говоря о сравнении с развивающимися странами второго ранга вроде Мексики, Южной Кореи, Индонезии, Венгрии и Украины. Международные инвесторы принялись выводить капитал, как только валютные резервы развивающихся стран высохли, торговый баланс изменился не в их пользу, а бюджетный дефицит вырос. Затем последовало стремительное обесценивание валюты, создавшее сильные водовороты на финансовых рынках. Плюс ко всему начали проступать структурные дефициты и разнообразные сплетения задолженностей в юго-восточной Азии, Южной Америке и Восточной Европе. С поздней осени они приводили к первым фактическим банкротствам в Венгрии, Пакистане, Латвии, Украине и на североатлантическом острове Исландия. В перечисленных странах социальные последствия все усиливаются, но и в США целые районы просто «закрываются», семьи выселяются из заложенных домов и арендуемых квартир, а в Калифорнии программа рекапитализации, цель которой предотвращение надвигающихся банкротств, провалилась.

Драматическое падение ВВП пока что отсрочено путем колоссальной финансовой помощи за счет средств государственных бюджетов стран капиталистического центра (уже перевалившее за 7 триллионов долларов), и прочими антикризисными мерами в Китае, Евросоюзе, США и Японии. Так же пока под контролем валютные бури, и доллар до сих пор остается необычайно стабильным (хотя это может также необычайно резко измениться). Следовательно, предпосылки стабильности мировой стратегической оси должника-кредитора (США-Китай) пока сохраняются. Но текущий кризис уже превзошел масштабы кризиса 1973 г., и он начнет новый век капитализма и эксплуатации, даже если старый век продержится еще несколько месяцев. Стабилизация в короткие сроки маловероятна; первый этап политически мотивированной финансовой помощи был организован в монетаристском духе и провалился, так как он слишком завязан на идеях

Милтона Фридмана – гения экономической контрреволюции – который возлагал всю вину за депрессию 1929 г. на ошибочную политику Федерального резервного банка. Усиливающаяся кредитная и инвестиционная «забастовка» капиталистов, компаний, банков и управляющих фондов не может быть прекращена политикой дешевых денег и наводнения беспроцентной ликвидностью кредитных и капитальных рынков. К тому же совсем не ясно, сработают ли отчасти кейнсианские планы терапии; они не скоординированы глобально, и тем более не проводятся всеми быстро и четко, даже главными кредиторами и экспортерами (Японией, Китаем, Евросоюзом). Инвесторов также не радует, что долги по «токсичным» кредитам и частные долги почти полностью обеспечиваются за счет средств государственного бюджета, пока это означает, что очевидные теперь провалы и стратегические ошибки управляющих банков и фондов не расследуются, а просто припрятаны под ковер. И, наконец, все эти меры только притормаживают механизм кризиса, а не останавливают его. Капиталисты США уже давно воспринимают федеральный резерв как огромный хеджевый фонд, который поддерживается за счет средств Министерства финансов США, действующего подобно крупному инвестиционному брокеру. Так что, когда они сочтут «дядю Сэма» некредитоспособным – это лишь вопрос времени. Спрашивается, куда они тогда направят инвестиции? Неизвестно – новых стратегических отраслей нет, а надежда на прекращение неприятностей развивающимися странами под опекой их предшественника Китая давно испарилась.

1.2. Главные свойства кризиса

Пока что мы много усилий уделили тому, чтобы разобрать тенденции синхронизации разных кризисных факторов в новом кризисном цикле. Но что же за искры разожгли два года назад тот медленный огонь на нескольких крышах мирового дворца капитала, который нынче полыхает во всех его комнатах и по всей его территории? Беглый взгляд на связи внутри этого процесса позволяет выявить три основных характеристики. Во-первых – это кризис всемирного перенакопления капитала во всевозможных его проявлениях: в промышленности перенакопление в среднем составляет 25% (и гораздо больше в автопроме), в транспортных отраслях – 30-35%, а в банковском и финансовом секторе – 50%. Во-вторых – перенакопление идет рука об руку со всемирным недопотреблением гигантского размаха на основе сокращения доходов масс в капиталистических центрах в ходе последнего цикла, роста капитала темпами выше средних, основанного на низкой оплате труда на капиталистической периферии и политики сохранения чудовищной бедности на глобальном Юге (с трущобами и теневой экономикой), с постоянным недоеданием и смертью от голода. И хотя низшие классы в тех развитых странах, в которых кризис и начался, сумели компенсировать убытки путем взятия кредитов и других долговых обязательств, однако низшие сегменты пролетариата не имели и такой возможности. По сравнению со значительным ростом производительности труда, разрыв между производительностью и реальными доходами трудящихся постоянно рос (разумеется, не в пользу трудящихся), даже в США, Великобритании и Испании. В-третьих – финансовая политика дешевых денег и кредита в развитых странах возмещая эффект перенакопления и недопотребления, лишь отодвинула кризис на несколько лет.

Низкооплачиваемый сектор расширялся, а прекаризация (ухудшение условий) занятости добралась и до среднего класса. Несколько миллионов человек во всем мире задолжали как минимум 12 триллионов долларов (ипотечный дог, долги по кредитным карточкам, долги по аренде, студенческие займы и т.д.). Этот механизм работал относительно долгое время потому, что долги, которые выкачивались из трудящихся, диверсифицировались и растекались по мировой финансовой системе. Но в 2006 г. эта система достигла своего предела и повлекла всю финансовую систему в бездну. Таким образом этот механизм только усугубил перенакопление и перепроизводство в ключевых отраслях (строительстве и автопроме, а также в сфере информационных технологий и сталелитейной отрасли), и вместе с падающими ценами на сырье, с обесценивающимися биржами и ужесточением условий кредита вызвал новый мировой экономический кризис. Следствием этого стал повсеместный отказ капиталистов от осуществления новых инвестиций из-за падения процентных ставок и нормы прибыли в последние несколько месяцев, который к настоящему моменту затронул все основные сферы приложения капитала.

2. Прошедший цикл (1973-2006)

Для лучшего понимания внутренней динамики, возможного развития и вероятных последствий текущего кризиса, нужно взглянуть на основные черты прошедшего цикла глобального капитализма в интервале с 1973 г. по 2006 г. Для начала рассмотрим основные характеристики экономического цикла 1973-2006 гг.

2.1. Свойства «длинной волны» Кондратьева

Прошедший цикл начался в 1973 г. с мирового экономического кризиса, который ознаменовал начало депрессии продлившейся несколько лет. Кризис вызвали выступления трудящихся и общественные беспорядки во всем мире в период с 1967 по 1973 гг., а так же мировой валютный кризис (отделение доллара от золотого стандарта, переход к гибким курсам обмена валют) и нефтяной кризис 1973 г. (война Судного дня). В последующие годы, кризис обратился в так называемую стагфляцию[3], благодаря активному использованию инфляционной политики против фиксированных зарплат трудящихся. Следующие 35 лет происходило чередование периодов подъема (приблизительно 5-тилетних), прерываемых частичными кризисами, некоторые из которых были достаточно серьезными: 1982 (второй нефтяной кризис), 1987 (США), 1992-1993 (Япония), 1997-1998 (Восточная Азия и Россия) и 2000-2001 (крах «новой экономики»[4]). Во время цикла был один переломный момент в 1989-1991 гг., когда рухнула советская империя, а Китай стал стремительно превращаться в мирового игрока. Без этого резкого и мощного экспансионистского толчка последняя «длинная волна» закончилась бы гораздо раньше. К

тому же взлет кредита пришелся преимущественно на последний период подъема 2001-2006 гг. и смягчил эффект перенакопления капитала и сокращения дохода масс, отсрочив тем самым кризис на несколько лет.

2.2. От «кризисных» атак до сверхэксплуатации мирового пролетариата

Наступление капитала под видом «кризиса» вынудило трудящихся на глобальное отступление до конца 70-х. Несмотря на бурную классовую борьбу 80-х, процесс (ре-)пролетаризации захватил как периферию и страны с переходной экономикой, так и капиталистический центр. Я остановлюсь на этом ниже. Интерес тут представляют экономические последствия: произошло абсолютное и относительное обнищание масс, как относительно капитала, так и относительно накопления капитала. Этот процесс продолжался до конца цикла, благодаря целенаправленной стратегии на частичную безработицу. Центры капитала активно пожинали крупную прибыль и поддерживали высокую норму прибыли во время подъемов, невзирая на временные и региональные спады и яростное сопротивление, в котором формировался новый промышленный пролетариат развивающихся стран (в особенности в Южной Корее и некоторых южноамериканских стран). Подавление и несоразмерная эксплуатация рабочего класса, несмотря на борьбу, вместе с обнищанием его отдельных важных частей, оказались центральной тенденцией прошедшей «длинной волны». Но эта тенденция и привела к краху в конце этой самой волны. Краху, которой был лишь отсрочен кредитным бумом первого «безумного» десятилетия нового века.

2.3. Новые технологии

Усиление технологической мощи капитала послужило еще одним значительным внутренним фактором кризиса. «Волна Кондратьева» цикла 1973-2006 годов позволила повысить норму прибыли путем многочисленных технических инноваций, понизивших органическое строение капитала в стратегических отраслях (с постоянным спадом относительного дохода трудящихся): переоборудование и стандартизация транспортной сети с помощью грузового контейнера[5], переоборудование коммуникационных систем путем внедрения компьютеров и информационных технологий, миниатюризация и роботизация производства, переориентация производственного процесса на сбор индивидуально пронумерованных и отслеженных деталей. Пока нет заслуживающей доверия информации о достигнутом при этом цикле уровне эксплуатации путем рационализации трудовых процессов, внедрения новых технологических инструментов реальной классификации, использования и подчинения интересам капиталистического накопления личного творчества эксплуатируемых и абсолютизации управленческой

власти через особую схему организации работы («тотальное управление производством»[6]). Но можно совершенно точно сказать, что общая производительность «общественного рабочего» за этот цикл как минимум удвоилась, при годичном приросте в 2,5-3 процента и с нулевым приростом дохода самих трудящихся.

2.4. Расширение мирового рынка и мировое разделение труда

Как уже говорилось, расширение рынков и сфер приложения капитала стало еще одним важным внешним условием, и достигло вершины в начале 90-х. Тогда сын торговца металлоломом из Калькутты смог построить стальную империю, инвестируя в разваливающиеся предприятия восточной Европы и в особые экономические зоны на периферии. И это лишь один пример. Решающий момент – это связь процессов географического расширения с новыми видами международного разделения труда, созданными миниатюризацией основного капитала, новыми информационными технологиями и значительным снижением транспортных расходов. Стало возможным создание всемирной сети корпораций, чьи цепочки создания прибыли управляются центрами развития, проектирования и маркетинга, находящимися в метрополиях, а сегментированный производственный процесс размещается в регионах с высокой нормой эксплуатации.

2.5. Новая мировая экономическая ось: Вашингтон-Пекин

То, что новые формы мирового разделения труда действительно были основным стратегическим хребтом прошедшего цикла, становится совершенно очевидным при взгляде на две ведущие национальные экономики, вошедших в негласное взаимодействие в начале 90-х: США и Китай. Их взаимодействие заключается в следующем: один работает и копит, а другой щедро тратит накопленное и произведенное. Картина несколько упрощенная, но в общем верная. По мере все большего капиталистического развития Китая, его государственный деспотизм приковывал мигрирующих крестьян к «мировому верстаку», вывозил их изделия в развитые центры (особенно в США) по бросовым ценам, и довольствовался обещаниями выплаты в виде государственных облигаций. Это также позволило США скрыть процесс обнищания, ставший результатом понижения оплаты труда, посредством расширения системы кредитования, которая в свою очередь все больше переплеталась с мировой финансовой системой. В конце концов, «верстак» дорос до того, что стал самым важным для США банком, и США уже бесповоротно к нему приковано, а падение доллара обанкротит обоих. Китайский центральный банк держит львиную долю своих резервов в долларах (2 триллиона) и набрал 1 триллион долларов в ценных бумагах американского казначейства. При падении доллара положение Китая как кредитора немедленно ослабнет, а США провалится в банкротство из-за последующей утечки капитала. Даже при таком страшном раскладе, подобное взаимодействие должника-

кредитора такого размаха оказывается неразрешимой проблемой. Но какой-либо результат теперь неминуем. Простой подсчет показывает, что сбалансировать грядущее падение относительного перепотребления в США, сопровождающееся сокращением сбережений населения до 5% от ВВП, можно соизмеримым увеличением потребления в Китае, которое преодолет смещение платежного баланса. Для того, чтобы это сработало, необходимо поднять крайне низкое потребление в Китае на 40 процентов. Это почти невозможно, но, тем не менее, это лишь подчеркивает тот факт, что рычаг решения вопроса циклов и укрепления системы сейчас у Китая, и что дальнейшее развитие кризиса и депрессии решится (в случае отсутствия революционных преобразований) преобразованиями в процессе «Кимерики»[7].

2.6. Всемирное расширение финансового и кредитного рынков

Перестройка и глобализация цепочек эксплуатации и извлечения прибыли не состоялась бы без глобализации финансовой системы. Плавающие курсы обмена валюты открыли дорогу становлению международных валютных рынков (евродолларовый, нефтедолларовый, азиатодолларовый)[8] под главенством доллара. После этого стали появляться новые денежные и кредитные рычаги для ограждения от рисков, связанных с различными курсами обмена валюты, скачущими ценами на товары и неустойчивостью бирж. «Умеренные» кредитные отношения, существовавшие до того между банками и промышленными группами, строились на среднесрочной прибыльности; в последствии они все больше вытеснялись всевластием растущего слоя владельцев капитала, которые тяготели к максимальной прибыли в кратчайшие сроки. Они открыли новую сферу инвестиционных фондов для того, чтобы посадить на короткий поводок максимальной доходности и кредитной зависимости менеджеров всех секторов экономики и торговли. Это привело к «финансиализации» всей экономики и всех стадий метаморфоз капитала, повысило средний доход на капитал до 20-25%, но одновременно повысило риски и увеличило нестабильность всей системы. В то же время растущий финансовый сектор предоставлял кредиты представителям среднего и низших классов, и те его принимали, не имея иного способа поддерживать определенный уровень жизни, в условиях возрастающей прекаризации трудовых отношений и сокращающихся доходов. Более того, под влиянием нового финансового сектора открылось новое измерение для расширения капитала в общественном секторе. Это можно назвать «гонорарным капитализмом»: по большей части общественные, муниципальные ресурсы изымались в целях превращения основных жизненных потребностей (от питьевой воды до энергоснабжения, здравоохранения и страховки от опасностей) в товар и извлечением из них дохода.

2.7. Растущее разрушение материальной основы производства и воспроизводства капиталистического общества

И наконец, последний важный внешний фактор прошедшего цикла – это нарастающее уничтожение естественной основы самой системы. Это случилось не только как следствие колоссального количественного и качественного расширения процесса производства и обслуживающей его транспортной сети, но как следствие параллельной маргинализации массовой нищеты юга, которая все больше забивалась в щели еле держащихся экосистем, а новые режимы и средние классы поднимающихся экономик начали воспроизводство экологических грехов метрополий. В предыдущий цикл капитал потреблял мировую рабочую силу также безжалостно, как и природные ресурсы. Вне всякого сомнения, уже предпринимаются попытки «экологизировать» воспроизводство капитала, но сейчас они скорее похожи на каплю в море. Но даже эти небольшие усилия, примененные из-за растущей озабоченности состоянием окружающей среды, уже привели к серьезным структурным кризисам в различных отраслях промышленности, таких как автопром, которые либо вообще не поспели за тенденцией, либо сильно опоздали.

3. Отличия и сходства с предыдущими мировыми капиталистическими кризисами

Дабы понять ход нынешнего кризиса, необходимо обратить внимание на внешние и внутренние факторы предыдущих циклов. И хотя кризисное явление не дает нам средств, позволяющих предусмотреть дальнейшее его развитие (если такое предвидение вообще возможно), все же полезен дополнительный взгляд на крупнейшие капиталистические кризисы в течение его промышленного развития, то есть за последние 150 лет. В целях сравнения, я рассмотрю отличия и сходства с прошлыми мировыми кризисами капитализма. Это важно для построения логической цепочки при исследовании сложных процессов в настоящем.

3.1. Мировой экономический кризис 1857-1858 гг.

Мировой кризис 1857-1858 гг. стал первым кризисом, одновременно охватившим всю капиталистическую систему. Он начался в США, где невиданные спекуляции с железными дорогами, тогда передовой отраслью капиталистического хозяйства, вызвали острый кризис. Вскоре он перебрался в Великобританию и торговые города северной Германии, а также в Скандинавию, Францию и юго-восточную Европу. Кризис усугубили поддерживающие старый цикл действия Великобритании, и он привел к подрыву мировой торговли и проник в промышленные центры (Шеффилд, Бирмингем, Манчестер, область Рура, северная Франция, сеть строек железных дорог и т.д.). Прежде, капитализм завершил значительную торговую экспансию после крымской войны (1853-1856 гг.), а также

существенно расширился географически (колонизация Калифорнии, Мексики и Австралии, усиление британского владычества в Индии, насильственное открытие Китая).

Карл Маркс ожидал трансатлантическую рабочую революцию в 1857-1858 гг. Но вскоре он обнаружил, что заблуждался. Последствия кризиса вскоре были преодолены в течение 1858 г., а затем начался новый цикл расширения и процветания, который продлился до 1870-1871 гг. Современники говорили о глубинных воздействиях кризиса, но он оказался почти зачаточным по сравнению с последующими кризисами.

3.2. Великая депрессия 1873-1895 гг.

Депрессия началась с «краха дельцов» (Gründerkräche), и началась синхронно в нескольких центрах капитала, где его накопление шло особенно быстро, прежде всего в только что основанной германской империи и Австро-Венгрии, а затем уже в Великобритании и в США. Крах продлился до 1879 г., и перерос в длинную депрессию, которая закончилась лишь в 1895 г. В то время каждая страна боролась с воздействием депрессии по-разному. США беспощадно завершили колонизацию западных территорий, а в промышленности утвердились гигантские предприятия (тресты), которые заняли передовые позиции в развитии новых высоких технологий в химической и электрической отраслях. Германская империя, отходя от потрясений «краха дельцов», также завершила второй, наукоемкий этап индустриализации. Таким образом была создана основа для широкомасштабной перестройки промышленной эксплуатации и накопления, прежде всего в США и Германии. Высококвалифицированные рабочие, контролирующие производственный процесс исчезли из рядов рабочего класса, и их заменил «массовый рабочий», подчиненный ритму машин и заводов. Этот кризис оказался первым в своем роде, подтолкнувшим переустройство процессов технологической и организационно-трудовой промышленной эксплуатации. Отношения труда и капитала встали на новую платформу, и труд не замедлил ответить, поднявшись в 1905 г. на первое глобальное восстание и создав на этой основе революционный синдикализм (Индустриальные Рабочие Мира [9]). Тем временем Великобритания с Францией преобразовали свои колонии. Викторианская Британия в особенности жестко уничтожила натуральное хозяйство на колониальной периферии, доведя до голода и голодных смертей миллионы человек и впервые обозначив «третий мир».

3.3. Великая депрессия 1929-1932 гг. и кризис 1939-1940 гг.

До сих пор многие вещи, касающиеся величайшего экономического кризиса прошлого века, остаются загадкой, хотя изучение Великой депрессии активно велось на протяжении

нескольких десятилетий. С уверенностью можно сказать, что его масштаб обусловлен странностями цикла, начавшегося в 1896 г. Первая мировая война началась как раз накануне всемирного экономического спада. Цикл был продлен, благодаря военному буму. После подавления мировой пролетарской революции 1916-1921 гг. и перехода через период гиперинфляции, цикл снова расцвел в «золотые двадцатые», которые очень походили на первое «безумное» десятилетие 21-го века: они также ознаменовались спекуляцией акциями и кредитами, низким доходом масс и перенакоплением в механизированных отраслях сельского хозяйства и в передовых отраслях промышленности.

Кризис начался как всемирный сельскохозяйственного кризис с падения цен на основные сельскохозяйственные товары. В октябре 1929 г. кризис перекинулся на американскую биржу и привел к краху мировой торговли в 1930-е гг., когда США закрыли практически всю экономику оградительными пошлинами, спровоцировав глобальную волну протекционизма. Кризис достиг промышленности, и в 1931-1932 гг. усугубился банковским кризисом в Европе, который в свою очередь привел к обесцениванию главных мировых валют. ВВП сократилось вдвое, а безработица подскочила до 25-35 процентов во всех промышленных странах. Все попытки преодолеть начавшуюся депрессию, даже «Новый Курс» Рузвельта, провалились. Ситуация переросла в экономическую войну, еще более обострившуюся из-за милитаристской и экспансионистской политики стран «Оси»: Германии, Италии и Японии. Глубокий кризис был преодолен лишь после 1938 г., благодаря всемирной гонке вооружений и росту военной промышленности, которая началась в Европе, а затем и в США, начиная с 1940 г. Столь катастрофический результат кризиса был вовсе не неизбежным. Поэтому, пока мы обсуждаем разрастающийся кризис, стоит понять, что нам необходимо найти путь через кризис, на котором нет новой экономической войны со всеми ее последствиями, и который в будущем может послужить рычагом социалистического преобразования мира.

4. Всемирная пролетаризация

Прежде чем затрагивать поставленный вопрос, нужно подумать о том, кто может вырвать мир из кризиса, не обрекая его на очередной круг капиталистического варварства, а вместо этого открыть путь к социалистическому преобразованию. И может это только тот класс, который вынужден продавать свою рабочую силу накопительным жерновом капитала: все те, у кого в этом мире ничего нет, те, кто составляет постоянно изменяющуюся вселенную пролетариата.

4.1. Исторические и методические подходы

Этот подход вовсе не очевиден, поэтому считаю необходимым его пояснить. Он основан на описании мирового пролетариата взятого из критики «национального» и «евроцентричного» взглядов на историографию труда, а также на марксистских разработках, касающихся труда и класса.

4.1.1. Процессы всемирной пролетаризации и депролетаризации

Мировая история труда - относительно молодая ветвь истории труда, но все же у нее уже имеется несколько важных открытий. Теперь совершенно очевидно, что формирование рабочего класса происходило в мировом масштабе. Этот процесс начался во второй половине 18-го века, под раскаты трансокеанических и трансконтинентальных восстаний завербованных матросов торговых и военных флотов совместно с восстаниями карибских рабов, самозанятых рабочих-мигрантов в колониях (крестьян и ремесленников), а также рабочих фабрик и мастерских. Народные восстания 1775-1776 гг. не только дали толчок американской войне за независимость от Британской империи, но также имели большое влияние на формирование местного пролетариата. Учет этих событий помог преодолеть былую евроцентричность и приатлантическую предвзятость истории труда, от которых страдали даже лучшие исследователи вроде Э.П. Томпсона [10].

После первого этапа пролетаризации конца 18-го века прошло еще несколько этапов пролетаризации и относительной депролетаризации угнетенных классов мира. Каждый этап отчасти предвещал новый этап расширения капитала (в связи с социальными и политическими межматериковыми миграциями), а отчасти за ним следовал. Последний этап относительной депролетаризации прошел во время цикла «социального государства» и временной деколонизации периферии 1950-х и 1960-х годов. После 1973 г. его сменила волна пролетаризации, о которой еще предстоит подробно поговорить, ибо внутренний состав мирового пролетариата в начале кризиса капитализма может указать на имеющийся потенциал деятельности пролетариата.

4.1.2. Вселенная мирового пролетариата

Среди мирового пролетариата господствуют не «вдвойне свободные» наемные рабочие, но еще с середины 18-го века он состоит из множества различных слоев и прослоек. Наемный труд в крупной промышленности играл немаловажную и даже некогда политически главенствующую роль, но возможность впитывания им остальных слоев пролетариата или же превращения их в чистую резервную армию труда никогда не представлялась реальной. Мировой пролетариат состоит из смеси массовой нищеты, массовой безработицы, натурального хозяйства среди мелкого крестьянства, неформального труда (мелких

крестьян, ремесленников, мелких торговцев, формально самозанятых работников, обладающих научными знаниями), промышленных рабочих и людей в несвободных трудовых отношениях (рабстве, долговой поручке, кули [11], на временных контрактах, принудительном труде в заключении и в армии, и т.д., вплоть до нищих рабочих в метрополиях, лишенных свободы передвижения, как, например, подпадающие под закон «Hartz-4» в Германии [12]). Количественные пропорции этих слоев колеблются регионально. Между этими прослойками не существует жестких границ, происходят постоянные переходы из одного слоя в другой, которые сегодня выражены, прежде всего, в массовой миграции в города представителей малоземельного крестьянства.

Согласно раннему Марксу, обездоленный класс становится движущей силой к социальному, экономическому, половому и этническому равенству потому, что только он способен упразднением собственности превозмочь двойное отчуждение человечества от общественных процессов и от материальных воплощений своего труда, которые встают перед ним в виде чуждой силы, в виде капитала. Именно поэтому наша точка отсчета - гомогенизация и сближение слоев пролетарской вселенной. И вопрос не только в устранении наемного труда как такового, но в устранении всех видов эксплуатации и угнетения которые основаны на необходимости людей ради своего выживания отдавать свою рабочую силу капиталу.

4.2. Современное положение мирового пролетариата

Однако, довольно теории и концепций. Вопрос сейчас в том, какую форму принял внутренний процесс классового образования и фрагментации класса в прошедшем цикле стратегической неполной занятости и усиливающейся эксплуатации? Каковы элементарные потребности мирового пролетариата и как их обеспечить при надвигающейся массовой безработице и нищете? И сможет ли пролетариат, или хотя бы его ключевые слои, перейти с оборонительных позиций в наступление и поставить на повестку дня вопрос о перераспределении общественного богатства в свою пользу?

4.2.1. Натуральное семейное хозяйство глобального юга

На сегодняшний день, семьи глобального юга и некоторых важных развивающихся стран, живущие преимущественно натуральным хозяйством составляют 2,8 миллиарда человек, из которых 700 миллионов живут в одном Китае, до сих пор представляют большинство трудящихся. Они организованы в семейные структуры натурального хозяйства, еще давно

описанные моделями Чаянова [13]. Эти сложные структуры переплетены с сельскими общинами и с системой патронажа. Они крайне неустойчивы и существуют только за счет вливания средств, добытых временным или постоянным наемным трудом извне (трудом внутриматериковых и межматериковым мигрантов). В течение всего прошедшего цикла опоры этого слоя постоянно подрывались переходом самых плодородных сельскохозяйственных земель под механизированное хозяйство крупных предприятий, пагубными последствиями климатических изменений и просто экспроприацией земли.

4.2.2. Массовая миграция и труд мигрантов

За последние десятилетия сотни миллионов людей постоянно кочевали по континентам и на другие континенты, убегая от нищеты натурального хозяйства и ужасов гражданских войн, или же зарабатывая средства на поддержание семей, оставшихся дома. Массовые миграции внутри Китая, из южной и юго-восточной Азии к страны Персидского залива, из Африки в южную Европу через Средиземное море, из восточной Европы в западную, из южной и центральной Америки в северную. В странах центра и многих развивающихся странах мигранты составляют от десяти до двадцати процентов пролетариата.

Со временем друг на друга накатились несколько волн миграции и сейчас формируется новая трансграничная, многоязычная и весьма разумная бытовую культуру. Но стремление к интернационализму в этой культуре сочетается со стремлением к самоутверждению этнической индивидуальности.

Этот процесс подчеркивал контуры глобальной пролетаризации в последние десятилетия, и на данный момент представляет одну из главных точек отсчета в классовой композиции.

4.2.3. Массовая нищета и теневая экономика трущоб

Далеко не все убежавшие от войн и покинувшие сельскую местность с ее натуральным хозяйством находят постоянное или даже временное место жительства в ведущих поднимающихся экономиках или странах капиталистического центрах. Они прессыются в «лишний» слой населения, проживающий в трущобах, находятся на грани голодной смерти, под постоянной угрозой массовых эпидемий, и выживает за счет теневой экономики. Они подвержены сверхэксплуатации в несвободных трудовых отношениях или под формальным обликом «самозанятых» работников. Так проживает приблизительно миллиард человек в громадных агломерациях вдоль сухопутных и водных транспортных путей мегаполисов глобального Юга, добывая пропитание немислимыми способами и едва сводя концы с

концами. И эта масса неумолимо оттесняется к береговым и пустынным участкам суши, где все больше подвергается стихийным бедствиям.

Переход из натурального хозяйства в мировую сеть каналов массовой миграции становится все болезненнее. Уже появился обоснованный страх того, что текущий кризис ускорит рост громадных трущоб, и даже в городах глобального Севера уже есть признаки массовой городской нищеты с явными и скрытыми прибежищами для бездомных и столовыми для безработных.

4.2.4. Новый промышленный пролетариат развивающихся стран

Образование нового промышленного пролетариата в развивающихся странах в последние 20 лет однозначно изменило глобальную структуру пролетариата. В течение предыдущих двух циклов, этот пролетариат быстро обрел технические знания и смог добиться значительного повышения доходов. В 1980-е и 1990-е низкотехнологичные отрасли перемещались из центров на периферию, и создали новый «верстачный» пролетариат, особенно в текстильной отрасли и производстве продуктов массового потребления. Это технологическое выравнивание капиталистического центра и развивающихся стран наряду с почти завершенным перемещением ключевых отраслей (судостроения, автопрома, электронной, химической и текстильной промышленности) сблизило классовую структуру центра и периферии. Это относится и к наиболее прекаризированным слоям пролетарской вселенной: хоть их численность и упала в развивающихся странах, но зато выросла в капиталистических центрах.

4.2.5. Относительная деиндустриализация и казуализация рабочего класса [14] в бывших центрах

Доля промышленных наемных рабочих в так называемой «триаде» (США, Европа, Япония) за последние десятилетия сильно сократилась. Одновременно, в результате технических инноваций изменилась и технологическая база, видоизменив все отрасли производства и услуг. В результате даже в самых крупных экономиках либо почти исчезли, либо сократились до нескольких сот тысяч самые закаленные и боевые слои пролетариата (печатники, портовые рабочие), а прекаризированные и формально «самозанятые» слои стали неотъемлемой частью пролетариата стран капиталистического центра.

В последние годы, сокращение доходов трудящихся затронуло все слои пролетариата, в том числе и его ядро в крупной промышленности. Теперь четверть трудящихся по найму

людей больше не может поддерживать уровень жизни выше черты бедности, несмотря на удлинение рабочего дня.

4.2.6. Тенденции гомогенизации и фрагментации мирового пролетариата

В общем и целом тенденции гомогенизации и фрагментации пролетариата во время последнего цикла уравнивали друг друга.

По всему миру натуральное хозяйство и мелкое крестьянство скатываются в заключительный кризис, и своим отмиранием ускоряют миграцию и создание мирового «лишнего» населения. Этот процесс качественно изменяет мировой пролетариат, наделяя его интернациональным и межкультурным сознанием. Процесс гомогенизации, проделавший путь с противоположного конца, также приводит в движение слои промышленного пролетариата как результат переноса крупного производства на периферию.

Но существует также и сильная тенденция к фрагментации. Хотя на глобальном уровне условия жизни и труда ухудшились, региональные различия в условиях жизни пролетариев сильно возросли. Даже шансы на выживание в трущобах, среди открытых канализаций и свалок, разительно отличаются от шансов на выживание при работе на нестандартных и казуальных работах в пригородах мегаполисов стран капиталистического центра.

Более того, существуют примеры «отрицательной» гомогенизации вроде пристрастий к религиозным учениям о «спасении» и подчинения мафиозному покровительству, которые укрепляют реакционные патриархальные и этнополитические тенденции. Подобные явления необходимо недооценивать, ибо они значительно ослабляют возможности пролетариата к действию. Наследие у этих явлений действительно печальное. В 1979-1980 гг. социально-революционное крыло иранских шиитов было уничтожено архаично-религиозной бандой аятоллы, а через несколько лет по всему Ближнему Востоку исламские радикальные организации вырезали оставшихся левых, умиротворяя бедноту патриархально-реакционной социальной политикой. Беднота США находится под каблуком евангелистов, а в трущобах дают минимальное образование и выполняют функции социального гаранта разные хилиастические церкви с более чем в ста миллионами последователей. Традиционное рабочее движение покинуло пролетариат даже в Европе, и это показательно видно на примере Марсея, где после ухода социалистической партии второе поколение трудовых иммигрантов все чаще обращалось в бюро подачек «Национального Фронта» [15]. Подобные явления сильно усложнили возвращение левой политики в повседневную жизнь пролетариата, но ее возвращение стало неотложной проблемой с началом нового кризиса и другого пути нет.

И этот путь не кажется мне невозможным. Борьба и бунты, в которых бунтующие ощущают друг к другу солидарность, все увеличиваются с самого начала кризиса. В них зарождались эгалитарные способы совместного действия, и бунтующие все решительнее отказывались расплачиваться за последствия кризиса. Все чаще мы слышим о стихийных массовых

восстаниях целых трудовых коллективов в китайском «устье жемчужной реки» [16], яростно сопротивляющихся внезапному закрытию заводов и невыплате зарплаты. Борьба также накаляется в сельских провинциях западного Китая: учащаются восстания против произвольной экспроприации земли, разрушения природы и среды проживания. Более того, появляются проблески новой зари и на глобальном Севере. Привлекают внимание захваты заводов рабочими после внезапных закрытий в Чикаго и Шлезвиг-Гольштейне. Французская, итальянская и греческая молодежь бунтует против наступления на образование и возможности их будущей профессиональной деятельности с полученным образованием. Во всех этих социальных бунтах крепнет осознание кризиса и своих интересов, которое воплощается в лозунг «мы не собираемся расплачиваться за ваш кризис». Протянется ли такая элементарная солидарность от преукаризованных рабочих к ядру пролетариата крупной промышленности, разрывая логику иерархических увольнений, поддерживаемых профсоюзами? Вполне возможно, и под общим лозунгом примерно таким: «Трехдневка? Хорошо. Но с полной зарплатой каждому вне зависимости от места в коллективе. Иначе на захват с самоуправлением нам хватит и двух дней».

В общей сложности мы можем ждать очередной мировой волны пролетаризации в следствие кризиса, за которой последует новая волна массовой безработицы в современных эпицентрах кризиса: США, Европа, Восточная Азия. Снова миллионы людей провалятся в социальную пропасть. Чем они ответят? Когда им будет нечего терять, перед пролетарскими семьями и омывающим их морем социальных слоев пролетарской вселенной встанут два пути: либо восстать, утвердить свое право на существование и установить эгалитарное общество, либо увязнуть в самоуничтожительной патриархальной реакции и насилии, разжигая межэтническую вражду, обеспечивая свое существование за счет других отдельных пролетариев или групп пролетариата. Есть и третий путь, который ведет через политическую деградацию, использование озлобления и страха, для возникновения деспотизмом и новых вождей, которые направят силу обманутого пролетариата в пользу интересов непролетарских классов. Пролетариат так же может умиротвориться государственными антикризисными реформами экономики. Реформы в таких условиях несут в себе огромный потенциал обновления капитализма и в ограниченной форме могут принимать в расчет некоторые интересы пролетариата. Так как же усилить эгалитарные ростки объединения и эмансипации в условиях мирового экономического кризиса?

5. набросок переходной программы

5.1. Предварительные размышления

Лучше не следовать тем, кто по радикальной левой традиции, уповает на то, что ускорение и углубление кризисных процессов автоматически приведет к революционному

объединению всех тех, кому нечего терять. Подобный детерминизм уже не раз опровергался историей, в том и Великой депрессией прошлого века.

Также следует припомнить анализ опыта национально-освободительных движений, который показывает, что «оружие критики, превращенное в критику оружием», находящегося в руках самозванного авангарда, не ведет с неизбежностью к обещанному освобождению, а чаще всего приводит к формированию нового правящего класса и новым кровавым гражданским войнам, тем самым превращая цель (освобождение) в собственную противоположность. Необходимо помешать превращению мирового экономического кризиса в мировую экономическую войну между несколькими сверхдержавами, за которой последуют настоящие широкомасштабные войны. В то же самое время мы хотим избежать эмоционально-эсхатологических ожиданий революции, ориентированной на насилие, так как пролетарское требование революции может превратить классовый конфликт в гражданскую войну. Карт-бланша у столкнувшихся с реальностями и опасностями социальной деградации нет. Однако это не следует принимать за призыв к ненасильственной идеологии гандизма. Самоорганизованная массовая борьба за сохранение условий собственного существования и экспроприация средств производства, жилья, общественных богатств немислима без применения пролетарского насилия. Эту составляющую классовой борьбы необходимо в особенности держать под коллективным контролем, не меньше чем прочие важные ее составляющие.

По изложенным причинам, освободительное движение нуждается в теоретически обоснованном видении социальной трансформации и связанной с ним программы непосредственных действий. Чтобы не допустить выхода из кризиса по пути реформистского обновления капитализма или же по трем возможным вариантам варварства (внутреннее саморазрушение, гражданская война и мировая экономическая война с последующими широкомасштабными реальными войнами), освободительное движение пролетариата должно сосредоточиться на двух направлениях деятельности с взаимозависимыми результатами. Во-первых, необходимо добиться радикального усиления осуществляемых сейчас антикризисных программ, и, во-вторых, отталкиваясь от первого план, инициировать проект революционной трансформации капиталистического общества.

5.2 Внедрение и усиление реформаторских антикризисных программ

5.2.1. Капиталисты должны платить за кризис

На первом уровне, мы должны для начала вынудить правительства изменить на 180 градусов направление программ государственных гарантий и широкомасштабного стимулирования экономики, которые сейчас идут на благо финансовой системы в Китае, ЕС, США и Японии. Большая часть вброшенных в оборот 7 триллионов долларов должна

быть направлена на помощь и поддержку беднейших слоев населения мира: малоземельных крестьян глобального Юга, безработных и прекаризированных в развивающихся странах и в метрополиях, а также промышленных рабочих. Это должно сочетаться со значительным сокращением рабочего дня без снижения зарплат и выравниванием условий труда. Должны быть основаны системы социальной защиты там где их сейчас нет (в Китае и прочих развивающихся странах) и улучшены уже существующие: поднять пособия по безработице до 75% от среднего дохода, вернуть пенсии и отнятые пенсионные права, расширить всеобщее образование, перестроить здравоохранение, ориентируя его на потребности пролетарских масс. И осуществлять это не путем дальнейшего дефицитного бюджетного финансирования, а конфискацией крупных капиталов (от 50 миллионов долларов и выше), а также с помощью прогрессивного налога на капиталы выше миллиона долларов и на доходы выше 150 тысяч долларов в год.

Такая программа вертикального перераспределения общественного богатства сверху вниз послужила бы вовсе не стабилизации кризиса, хотя она и заимствует кое-что из антикризисных кейнсианских реформ, пытавшихся сбалансировать перенакопление капитала и недопотребление трудящихся, путем поднятия дохода масс для преодоления кризиса.

Существует колоссальная качественная разница между потребностями пролетариата и экономической категорией «покупательная способность», и эта разница открывает перед неимущим классом возможность для навязывания антикризисной программы реформ правящему классу, которая выходит за рамки изначальных целей буржуазных реформаторов. Для осуществления такой программы необходимы массовые действия, скоординированные на глобальном уровне, но в равной степени необходима и всемирная информационная кампания, которая будет осуществляться, вне связи с партиями и группами, стоящими на позициях антикризисного реформизма в рамках чисто капиталистического общества.

5.2.2. Новая мировая валюта и возвращение твердых курсов обмена

В то же время мы намерены поддерживать введение новой мировой валюты, состоящей из общей валютной корзины национальных экономик, рассчитанной по пропорциональному принципу. Отсюда можно перейти к установлению твердых курсов обмена валют, противодействуя переоценкам и недооценкам, стандартизации валютных резервов и соответствующей стабилизации платежных балансов. Это позволит свести к нулю перенакопление в мировой финансовой системе. Кроме того, это разрушит нечистый «долларовый брак» Вашингтона и Пекина, который на данный момент утягивает всех в пропасть.

5.2.3. Демократизация программ экономического укрепления

В-третьих, в связи с развивающейся мировой массовой борьбой, мы должны выдвигать требование вовлечения демократически избранных рабочих советов в процесс реорганизации и реструктуризации крупнейших отраслей мировой экономики. Такие советы могли бы заменить бюрократические рабочие организации – профсоюзы и заводские советы [17]. В ближайшие недели и месяцы реструктуризация автомобильной промышленности будет высшим приоритетом. Следовательно, кажется крайне необходимым создание всемирной ассоциации рабочих автопрома, на основе захватов заводов, которые весьма вероятны. Необходимо совместить борьбу за радикальное сокращение рабочего дня и выравнивание условий труда (в особенности между трудящимися, занятыми на постоянной основе и временными работниками, занятыми по системе аутсорсинга), и с требованием экологизации транспортных средств и производства средств общественного транспорта.

Вероятность успеха всего этого определит степень самостоятельности рабочего класса в условиях кризиса и степень предотвращения отката к протекционистской деглобализации капиталоемких отраслей. В то же самое время, эти действия и цели рабочих автопрома послужат примером для рабочих смежных отраслей (энергетики и транспорта).

Все это будет также означать начало процесса накопления и осмысления опыта, на заведомо глобальном уровне, который, возможно, послужит хорошей подготовкой для будущего коллективного самоуправления.

5.3 Местный, международный и глобальный уровень: ключевые пункты для любой программы революционных преобразований

5.3.1. Три предпосылки

Очерченная ранее стратегия борьбы за радикальные антикризисные меры и реформы сможет расчистить дорогу для революционных преобразований общества. С помощью такого процесса пролетариат сможет приобрести коллективный классовый опыт, который в свою очередь прояснит людям необходимость радикальных перемен в сторону эмансипации и социальной автономии. Переход к социализму возможен только при осознанной массами необходимости в нем по всему миру.

На это потребуются как минимум несколько лет. Но сам ход перемен затянется на несколько десятилетий и рано или поздно достигнет точки не возврата. К тому времени

самоуправление трудящихся на экспроприированных предприятиях (и прочих средствах производства) породит низовые, демократические и эгалитарные структуры, которые сделают возвращение к классовому обществу невозможным.

5.3.2. Предпосылки местного и регионального уровня: экспроприация на демократической основе

Первая предпосылка – установление демократических структур на место бюрократических: перевод профсоюзов на систему прямого делегирования с правом отзыва в любое время, дебюрократизация и снижение окладов профсоюзного руководства; демократическая реорганизация муниципального управления (первый шаг к демонтажу всего государства снизу доверху).

Вторая предпосылка – перенаправление налогов в местные органы (как это происходит в Швейцарии, где до 60% всех налогов поступают в муниципалитеты). Это поднимет интерес людей к самоуправлению фондами налогов на заработную плату, а процесс накопления опыта подкрепится прямым материальным интересом.

Третья предпосылка – мы должны стремиться к сокращению рабочего дня, увеличению и выравниванию доходов: это даст людям время и средства, необходимые для создания демократического самоуправления. А участники этого демократического самоуправления не только будут толкать вперед процесс обобществления, но и по мере демонтажа государства снизу выпроводят «политический класс» как таковой из жизни общества.

На основе трех перечисленных предпосылок станут возможны первые шаги местных и региональных групп пролетариата к соответственно местной и региональной автономии, и начало познания местных и региональных особенностей сочетания пролетарских классовых слоев.

После достижения предпосылок, все, кажущееся невозможным сейчас станет необходимостью. Участники местной демократии начнут изъятие средств производства, необходимых для существования, и возьмутся за их приспособление к потребностям людей: проводка систем водоснабжения и канализации в трущобах, локальное обобществление земли в пользу безземельных и мелких крестьян, а также обобществление жилищного фонда и местных предприятий. Параллельно, они так же займутся обобществлением местных и региональных коммунальных объектов: общественных фондов, транспорта, объектов здравоохранения, образования, сберегательных банков и т.д. На этом фундаменте самоуправления на местном и региональном уровне возникнут структуры общественной автономии, исключаящие политическую и экономическую и управленческую элиту и не предотвращающие появление новой касты экспертов и бюрократов. В то же время, обобществление на местном уровне будет связано с процессами обобществления в региональном и континентальном масштабе.

5.3.3. Образование международных союзов рабочих

Глубокие преобразования на региональном уровне нежизнеспособны в долгосрочной перспективе при отсутствии параллельно развивающихся международных сетей самоуправления. Такие сети, скорее всего, появятся на почве международных профсоюзов, объединяющих стратегически важные отрасли экономики. Они изначально смогут взять на себя задачу смычки местных и региональных демократий во всемирную сеть, используя всеобщие забастовки для защиты их от контрреволюционных атак.

Международные профсоюзы при переходе к самоуправлению должны сосредотачиваться на глобально действующих отраслях экономики, выходящих за пределы региональных систем производства. Они так же должны помогать местной советской демократии в составлении материальной основы для построения рабочего сопротивления в главных точках мировой экономики, в частности во всемирных транспортных сетях, СМИ, информационных технологиях, итд. После обобществления автомобильной промышленности, глобальная транспортная сеть могла бы служить, так как именно транспортные работники имеют самый богатый опыт организации и борьбы: МФТР [18], забастовки водителей-дальнобойщиков, работников воздушного и железнодорожного транспорта). Теперь требуется разве что демократизация МФТР и ее расширение по всей транспортной сети.

5.3.4. Всемирная федерация Автономии

Как только возникнут первые советские демократии и рабочие союзы, они смогут приступить к созданию всемирной федерации общественной автономии, которая могла бы служить связующим звеном между советскими демократиями и международными союзами рабочих. В этой всемирной федерации делегации как Советов, так и союзов были бы равноправны. Такой союз может создать ряд институтов, цель которых – в стирании неравенства в материальных и производственных ресурсах между разными географическими регионами (доходах, продовольствии, энергоносителях, системах образования и здравоохранения). Прочие учреждения могут заняться всемирным разоружением, восстановлением экосистем и гармонизацией материального производства с природными процессами. Еще один ряд учреждений может заняться искоренением систем власти, характерных не только для капиталистического общества – патриархат, этнические конфликты, расизм.

5.3.5. Образование всемирного собрания автономий

После долгих колебаний я решился предложить организационный способ описанной ранее концепции, действующий одновременно на всех трех уровнях. Нет, не кадровую организацию, заявляющую о себе как об авангарде, а свободное и демократическое собрание людей составлявших, критиковавших, поправлявших, обогащавших и, наконец, принявших эти идеи для того, чтобы проверить их действенность в диалоге с пролетарской вселенной. Полученный опыт повлечет текущие дополнения этой модели. А когда пролетариат сделает переход к глобальной автономии необратимым, собрание отпадет за ненужностью.

В свете такого расклада, первые три шага к учреждению собрания могут быть определены следующим образом. Первый – образование местных и региональных групп, связанных общей сетью связи и имеющих собственные средства распространения информации (Интернет, региональные СМИ). Второй – собрание должно принять участие в построении международных союзов рабочих в ключевых отраслях. Третий – собрание должно инициировать глобальный, своеобразный доклад о результатах социального обследования, в котором особое внимание уделить социальным последствиям кризиса. Вместе с тем постоянно исправлять и пополнять общую концепцию в соответствии с возникающими задачами.

В заключении

Изложенные здесь мысли могут показаться непростительно оптимистичными и даже утопичными. В ответ на это могу сказать, что считаю конкретизированные утопии приемлемой стратегией в исторических условиях радикальных перемен, ибо это освобождает нас от «традиций всех мертвых поколений», которые «тяготеют, как кошмар, над умами живых» (Маркс) и, которые мешают нам увидеть открывающиеся перед нами возможности.

Но кто же воплотит эти утопии? И как можно намекать о некоей новой диалектике между концептуально организованным «политическим» классом и социально-культурной организацией пролетарской вселенной? Кто дал нам такое право после долгих лет поражений и стратегических ошибок в течение прошедшего цикла?

Но все же следует учесть грядущие всемирные исторические условия, которые открывают новые стратегические возможности, и следовательно перемешивают карты заново. Так же как наши дети и внуки спрашивают нас о наших делах в бурные годы 1967-1973, грядущие поколения спросят их о том, что они делали в годы кризиса и депрессии 2008-2012 гг.

И нельзя ничего исключать. Кто знает, вдруг китайские крестьяне-пролетарии этой весной сбросят ярмо диктатуры, гнетущее их с начала 90-х и намертво приковавшее их к главной

кредитной оси мировой экономики? Ведь тогда доллар немедленно обрушится, и перед всеми встанут два факта: немедленное углубление кризиса, которое превзойдет Великую депрессию 20-го века и выход свежего игрока на арену всемирной истории, который в первую фазу кризиса отсиживался в тени: мирового пролетариата.

Но не менее вероятно подавление контрреволюцией грядущих массовых восстаний еще жестче, чем это происходило в Турции 1970-1971 гг., Чили в 1973 г., в Аргентине в 1976 г. и Италии в 1979 г. Такой поворот приведет к тому, что экономические противоречия уже будет невозможно разрешить без новой эпохи мировых войн.

Но может быть дело не дойдет до эскалации, и вашингтоно-пекинская ось сумеет преодолеть кризис и откроет новый этап капитализма, знаменующийся государственным регулированием и новым классовым компромиссом. Вместе с новым циклом откроются и новые возможности для борьбы, так как новые противоречия между трудом и капиталом непременно возникнут. Мы должны быть готовы к такому «мягкому» варианту преодоления кризиса. Наши аргументы должны быть убедительны и неотделимы от стремления к социальному равенству и общественному прогрессу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 - Деривативы - ценные бумаги, стоимость которых производна от стоимости лежащих в их основе других ценных бумаг (базисных активов).

2 - Рынок subprime (рынок субстандартных ипотечных кредитов) – ипотека, предоставляемая под высокий процент лицам с низкими доходами или плохой кредитной историей.

3 - застой при одновременной инфляции

4 - «постиндустриальная» экономика услуг и высоких технологий

5 - стандартные грузовые контейнеры, спланированные по системе Всемирной Организации по Стандартизации (ISO) размера 12.192м. на 2.438м. на 2.591м. (есть другие типы), под которые строятся суда, поезда, грузовики. Внедрены глобально.

6 – рабочий отвечает за все: от операции до проверки, починки и контроль над конвейерным потоком. «Ноль ошибок, ноль аварий, ноль урона (утрат)».

7 – «Кимерика» («Chimerica») - неофициальный термин, образованный из слов «Китай» и «Америки», используется для обозначения экономического сотрудничества кредитора Китая и должника США.

8 – евродоллар: доллар, начисленный на счет в Европе и пущенный в ход на финансовых рынках Европы. Азиатодоллар: то же в Азии. Нефтедоллар: доллар, полученный за экспорт нефти в определенную страну, и затем вложенный в банк той же страны и использованный на финансовых рынках страны/региона.

9 - Индустриальные Рабочие Мира (ИРМ) - Industrial Workers of the World (IWW), профсоюзная организация в США, основанная в 1905г. ИРМ стояла на позициях непримирения, против политики классового сотрудничества. Строилась по признаку производства и объединяла в основном неквалифицированных рабочих. За свою историю провела 150 крупных стачек. После ухода из "ИРМ" революционных элементов, перешедших в компартию США, организация постепенно сошла с политической сцены.

10 – Эдвард Палмер Томпсон (1924-1993), британский историк и писатель. Известный деятель коммунистического движения, ключевой интеллигент «Коммунистической Партии Великобритании», которую покинул в 1956г., вследствие неприятия ее поддержки советской оккупации Венгрии, и стал одним из основателей нового левого фронта. Автор известной книги «Становление английского рабочего класса» (1963г.)

11 – кули (coolie): эмигранты-чернорабочие, подверженные жестким условиям трудоустройства

12 – Hartz IV: последняя ступень цепочки нововведений в области трудового законодательства Германии. Вынуждает безработных на принудительный труд, ограничения в передвижении, семейные и брачные ограничения после 12-месячного

периода получения пособий по безработице (право на которые определяются по количеству сбережений). Вошла в действие с начала 2005г.

13 – Чаянов А.В., "Организация крестьянского хозяйства" (1924)

14 – переход трудовых соглашений на срочные и временные контракты

15 – Национальный Фронт: основанная в 1972г. крайне правая националистическая партия во Франции

16 – устье жемчужной реки: области вдоль нижнего течения реки Чжуцзян вблизи ее впадения в Южно-Китайское море. Промышленно развитый регион Китая, заводы которого выпускают электронное оборудование, игрушки, одежду, текстиль, пластмассу и проч. В регионе расположено более 75000 предприятий, отвечающих за треть торгового оборота Китая.

17 – заводской совет – организация на предприятии, являющаяся участником переговоров по условиям труда на местном уровне. Заводские советы существуют под разными названиями и с некоторыми особенностями во многих европейских странах: ФРГ, Австрии, Люксембурге, Нидерландах, Бельгии, Франции и Испании. Наиболее распространены в Германии под названием Betriebsrat. Основная их функция переговоры с администрацией предприятия по адаптации к местным условиям договоренностей, достигнутых между вышестоящими профсоюзами и союзами предпринимателей. Представители заводских советов могут также назначаться в совет директоров.

18 – МФТР: Международная федерация транспортных рабочих (International Transport Workers' Federation, ITF)

Текст на английском: http://www.wildcat-www.de/en/actual/e068roth_crisis.html

Текст на немецком: http://www.wildcat-www.de/aktuell/a068_khroth_krise.htm

Текст на итальянском: http://www.wildcat-www.de/it/a068_khroth_crisi_it.htm